

Удивление — мать учения*

Домбровский Андрей Владимирович, работал учителем географии в школе, волонтером в детском доме, был депутатом в Городском собрании Санкт-Петербурга, сейчас прилагает усилия для организации Дневной народной школы в СПб.

---

* Материал опубликован в журнале «На стороне подростка».

В школе мне часто повторяли: повторение — мать учения. Может быть, в этом была какая-то часть истины, но, взрослея и обращаясь к своему опыту обучения, думая, когда и почему я действительно смог чему-то научиться, я всё больше прихожу к выводу, что повторение — это не мать, это не очень добрая мачеха, а вот настоящая мать учения — это удивление.

Удивление влечёт и манит. Попробовать, прикоснуться... иногда это приводит к ожогу (может, от этого взрослые так настойчиво подменяют настоящую «мать» суровым повторением. Уж с ним-то точно не обожжёшься. Не замёрзнуть бы). Но счастливая пора детства проходит и удивляться становится некогда. Странно ли при этом, что падает наша способность к обучению?

Предлагаемые записки вовсе не для профессионалов в области ремёсел. Профессионалы знают об этом гораздо больше и лучше. Они — для дилетантов, которые ещё не забыли тайного вкуса удивления и знают ему цену. То, о чём я хотел бы рассказать, — это мой собственный опыт удивлений, связанный с простыми вещами, которые мы все, так или иначе, держали в своих руках — опыт удивления ремёслам.

Два стаканчика!

С папье-маше мы обычно сталкиваемся два раза в жизни. Первый раз в детском саду или начальной школе, а второй раз, когда уже наши дети приносят из школы домашнее задание — сделать стаканчик методом папье-маше, и мы мучительно начинаем вспоминать, как это делается.

Так было и у меня. Сделанный вместе с сыном стаканчик, однако, показался мне симпатичным. Особенно после того, как мы его раскрасили. И этим всё, наверное, и закончилось бы, если бы у меня не возникла идея: «Давай сходим в детский дом и предложим детям тоже сделать что-нибудь методом папье-маше», — предложил я сыну (я начинал свою волонтерскую карьеру в одном из детских домов). И в ближайшие выходные мы пошли «делать папье-маше».

Первый этап дался нам значительно труднее, чем дома. Для детей из детского дома просидеть полчаса за обклеиванием стаканчика мелкими кусочками бумаги оказалось непросто. Но с помощью воспитателя мы сумели довести все стаканчики до приемлемого вида, оставив их сохнуть на ночь.

Следующий день был вознаграждением за муки предыдущего. Ваня, самый вертлявый (казалось, что он скорее умрёт, чем доклеит четвёртый слой), смотрел, не шелохнувшись, с открытым ртом на мои руки, снимавшие папье-маше с формы, и единственное, что смогло сорваться с его уст, было: «Ого, два стаканчика!» И тут у меня что-то щёлкнуло. Я понял, что ведь и сам «переживаю» каждый раз это снятие с формы. Да, всё понятно, всё должно получиться, но чувства вопреки разуму твердят: «А вдруг не получится?» И каждый раз это «Ого, два стаканчика!» я просто подавляю в себе как взрослый и воспитанный человек.

Надо рвать

Папье-маше — философское занятие. Бумагу сначала надо разорвать на мелкие части (и это — успокаивающее занятие), а потом, соединяя мелкие части простым клейстером, получаешь вовсе не то, что было. К слову сказать, некоторые педанты начинают резать бумагу ножницами, полагая, что аккуратность нужна во всём. При окончательной отделке, может быть, ровные кусочки имеют какой-то смысл, но вот в процессе изготовления — надо рвать. Наверное, здесь другого сорта аккуратность. Дело в том, что рваные края обеспечивают лучшую «стыковку» кусочков бумаги.

Первый слой сажать на клей не рекомендуется, иначе «изделие» придётся отмачивать. И вот вам пища для ума: надо, чтобы держалось, и надо, чтобы не держалось. Выход простой (когда его знаешь): вазелин, вода... может быть, что-нибудь ещё, важно только помнить, для чего это делается.

Первые несколько слоёв приходится делать очень осторожно, бумага пытается пристать к рукам, а не к форме, но вот потом наступает очень тонкий и важный момент. Облегающий изделие слой папье-маше становится достаточно прочным, и тут-то его надо начинать «выглаживать». Обминать, ощупывать, оскальзывать предмет обеими руками, добавляя дополнительно клейстер и — поглаживая, поглаживая.

Делать это важно, чтобы папье-маше было плотным и устойчиво держало форму, но ещё более важное, что возникает при этом, — это ощущение формы руками.

Наблюдая за стратегией и тактикой, приходишь к мысли о том, что большие плоскости вовсе необязательно клеить мельчайшими кусочками бумаги. Но и надеяться на то, что на окончательном изделии будут видны грани, если ты просто намотал на него газетное полотно, тоже не стоит. Чем контрастнее рельеф, тем мельче куски.

О стратегии начинаешь задумываться, когда на третьем-четвёртом слое вдруг обнаруживаешь, что не понимаешь, где пошел пятый слой, а где и третий не закончен. Я для себя завёл простое правило — клеить через слой: слой белого, слой чёрного (иногда попадаются цветные газеты и можно поиграть с цветами, а иногда любители начинают выкладывать слой кусочками фотографий — и тут начинается настоящее творчество).

А тут нужен скальпель

Процесс снятия изделия с формы не менее философичен. Кроме вечного вопроса: снимется — не снимется, начинаешь задумываться о том, что формы бывают разные и порой, не сделав энного числа разрезов, изделие с формы не снимешь. Но, благо, это лишь клейстер и бумага. Подсохнет, разрезы можно слегка размочить и склеить всё той же бумагой. (Звучит легко, но на практике иногда приходится после очередной склейки высушивать изделие и лишь потом приниматься за следующий разрез. Хорошо, если изделие можно посадить на форму на время сушки.)

Свойство папье-маше резаться ножницами (иногда лучше бритвой, скальпелем) становится поводом к самому невероятному изменению формы. Разрезал, переклеил и — получилась какая-то ерунда. Мне обычно надо отложить форму, посмотреть на неё при разном освещении, подумать. Иногда раздумья затягиваются навсегда.

Если не слишком увлечься перекраиванием (наверное, полезно вспоминать, что вы уже рвали эту бумагу однажды на части), то можно дойти и до последней стадии — отделки.

В клейстер можно замешать практически всё — опилки, гравий, вату, (про металл говорить с уверенностью не могу, не пробовал), но и то, что не клеится на клейстер, можно посадить на лак, «Момент» и проч.

Красота плоских форм

Сначала меня привлекали разные стаканчики, вазочки, может быть, оттого, что основным продуктом вдохновения были подсвечники. Но однажды моя ученица изваяла блюдо из папье-маше размером с мелкий тазик. И тут нахлынула «плоская» волна. С блюдами, блюдцами и тарелками стало очевидно, что на эту плоскую поверхность можно нанести какой угодно рельеф из пластилина и получишь рельефное блюдо (плюс отделка — и никакой гость не отличит от керамики, камня).

С плоскими формами и большим количеством клейстера появилась ещё одна технологическая деталь. При сушке бумага обычно коробится (намочите просто лист бумаги), то же происходит и с формой из папье-маше. Но на стаканчиках и вазочках всё это сглаживается за счёт того, что изделие «уседает» на форму и стягивается вокруг неё. На плоской же поверхности края начинают произвольно загибаться, следуя своему собственному скульптурному замыслу. Так вот, чтобы этого не происходило, надо всего лишь заводить обклеивающую бумагу на другую сторону (туда ее можно просто приклеивать). Тогда плоскость останется плоскостью (если вы этого действительно хотите).

Увековечим нос соседа!

Вазочки, тарелочки, стаканчики — в справочнике кустаря есть даже рецепт изготовления кровельного материала методом папье-маше (только вместо клейстера надо использовать что-нибудь посолиднее) — что угодно можно сделать из папье-маше. И вот тут-то становится неинтересно. Когда можно всё, то непонятно, зачем что-то делать.

Однако глаз продолжает бродить, прицеливаться и — натывается на лицо соседа. А чем не форма? Такой нос, такое выражение глаз! Сосед, однако, не торопится становиться формой. «Что это за странная идея?» Первый раз, когда мы столкнулись с идеей делать маски с живых лиц присутствующих, единственным добровольцем оказался опять-таки мой сын. Тогда ему было 12 или 13 лет и слава экспериментатора превысила все иные соображения. За полчаса маска была изваяна, правда, в положении сидя. Обсудив результаты, мы пришли к выводу, что отвисает подбородок. А всё остальное — нормально. После этого «стать формой» решились все присутствующие. Самое сложное, как известно, — начать и кончить. Закончили мы в тот раз, только сняв маски со всех, кто оказался под рукой.

Живое лицо — это не блюдо и даже не стакан. Определённо нужен вазелин. На первый слой — какая-нибудь приличная туалетная бумага или салфетки. Дырки носа, даже во имя наибольшего портретного сходства, лучше не заклеивать, а так, всё те же четыре слоя, газета.

Это не шуточки!

Мне приходилось и самому делать маски с других, и быть объектом «маскоснятия». На занятиях со взрослыми, которых «уложить» и уломать гораздо сложнее, чем детей (всё-таки своё лицо и давать его на произвол чужим рукам не хочется, потом начинает вспоминаться по-смертная маска, почему-то Пушкина), мы использовали процесс снятия масок в качестве тренинга групповой работы.

Обычно группа состоит из четырёх человек — трое снимают маску, а четвёртый — «клиент», который лежит на столе. Сложность, которую предстоит преодолеть группе, заключается в том, чтобы создать какой-то способ коммуникации, который бы не разрушал работу. Дело в том, что один из способов преодоления страха (а здесь неизбежно присутствует страх — жив ли он там ещё? Или осталась только маска?) — это здоровый юмор. Но попробуйте пошутить с человеком, который лежит под ещё не засохшим слоем папье-маше. Конечно же, он вам улыбнётся — и вся работа пойдёт прахом (или ему придётся улыбаться до кон-

ца сеанса (обычная продолжительность — 40 минут — час)). Даже если вы шутите с партнёром, который вместе с вами клеит маску, всё равно «лежачий» на это реагирует.

Поскольку человек, который лежит, «всё-таки живой», возникает стремление закончить это дело побыстрее. Но спешка — это потеря формы и возможности наблюдать за тем, что происходит (поэтому полезно обсуждение, когда каждый вспоминает свои мысли и ощущения, обращая внимание на то, что ты сам, может быть, пропустил бы мимо). Чтобы не спешить, положите под спину вашему партнёру матрац или одеяло, сделайте подушку. Укройте его одеялом сверху (за 40 минут неподвижности можно запросто окоченеть). «Лежи спокойно, дорогой товарищ!»

Тем более что «товарищу» тоже есть о чём подумать. Помимо «маски Пушкина», замечаешь, как на втором слое начинает исчезать свет, проходивший до этого сквозь веки, потом вдруг маска схватывается и начинаешь ощущать, что в некоторых местах она уже существует независимо от лица, то вдруг наваливается приступ смеха, которому из уважения к «вышестоящим товарищам» приходится не давать воли. За сорок минут можно много о чём подумать.

Сделаем себе лицо

Четвёртый слой готов, «клиент» садится (иногда мы дополнительно подсушивали маску феном, чтобы она была прочнее). Осторожно, четырьмя, шестью руками снимаешь маску и... видишь счастливое лицо своего «ожившего» товарища.

Ещё чуть-чуть технологии, иначе маска будет сильно отличаться от оригинала (вы и так её не сразу узнаете после сушки — края-то не завернёшь). Под сырую маску лучше что-нибудь положить. Иначе нос, глаза упадут на стол и «поднять» это в засохшем состоянии будет очень сложно.

Вторая часть психологического тренинга начинается с обработки своей собственной маски. Действительно, она не очень детальна («и лицо у меня посимпатичнее»), к тому же газетный текст сильно искажает восприятие формы. Поклейте её белыми кусочками, потом чайными и столовыми ложками, ногтями сделайте линии, выпуклости, вогнутости: сделайте своё лицо. Работа с собственным лицом — переживание столь необычное, что могу её называть только «нырянием» в маску. Попробуйте.

А потом, если ещё остались силы и желание, раскрасьте её каким-нибудь безумным способом, а потом с неё легко снять копию, а потом подложить куда-нибудь пластилин, вырезать дыру, что-нибудь отогнуть, изогнуть, обклеить перьями. Короче, радости хоть отбавляй, было бы желание да руки не ленились. Короче, развлекайтесь дальше сами.

Развлекайтесь, но помните, что первое ощущение — самое-самое. Потом будет всё — скорость, ловкость рук, профессионализм, но первого ощущения уже не будет. Не спешите.

Буду я директором школы, обязательно сделаю лабораторию папье-машеизма. Будем мы на уроках литературы лепить маски литературных героев, на уроках географии — модели вулканов и гор.

Чего только нельзя сделать из папье-маше — всё можно!